
ЮЖНОКИТАЙСКАЯ СОВЕТНИЧЕСКАЯ ГРУППА И ФИНАНСИРОВАНИЕ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВОЕННЫХ ПРОЕКТОВ ГОМИНЬДАНА В 1924 Г.

А.Г. Юркевич

Кафедра цивилизационного развития Востока
Высшая школа экономики
Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В статье рассматриваются организация и деятельность советской советнической группы, оказывавшей помощь южнокитайскому правительству Сунь Ятсена, ее участие в финансировании политических и военных проектов Гоминьдана. Автор показывает, что главной целью усилий группы в тот период было создание новых политических и военных институтов гоминьдановской власти и установление контроля за его политикой и армией, при этом тактика реализации стратегической цели постоянно менялась.

Ключевые слова: Китай, советская помощь Гоминьдану, советские советники, М.М. Бородин, В.К. Блюхер.

Деятельность группы советских советников, работавших в 1920-е гг. в Южном Китае, не оставлена без внимания исследователями. Работы по этой теме выходят до настоящего времени (1). Тем не менее, доступные материалы прежде не позволяли отчетливо проследить, во-первых, динамику роста группы, качественных изменений ее состава, организации и задач в отдельные периоды, во-вторых, масштабы ее финансирования и характер участия в финансовой поддержке проектов партии Гоминьдан по перестройке институтов его власти.

О плачевном состоянии этих институтов писали в 1923–1924 гг. руководители советнической группы – главный политический советник, он же руководитель группы (в отчетных документах именовалась «специальным отделом»), М.М. Бородин (Грузенберг) и главный военный советник В.К. Блюхер (прибыл в Гуанчжоу – в литературе тех лет «Кантон» – в октябре 1924 г.). Они отмечали отсутствие дееспособных партийных структур («Гоминьдан, как организованная сила, совершенно перестал существовать» (2)), всевластие «союзных» генералов, поделивших между собой захваченные районы Гуандуна, налоговый произвол военных и правительства, отсутствие у последнего собственной армии, разорение населения и рост его недовольства властью Гоминьдана (3).

Задачи, которые в первую очередь было необходимо решить для реализации целей Москвы в Китае, в конце 1923 г. Бородин сформулировал следующим образом:

«1. Продолжать начатую в Кантоне работу по реорганизации Гоминьдана...

2. Удерживать за собой Гуандун не для того, чтобы, как это было до сих пор, добиваться военных успехов... мечтая все время об организации походов против Пекина, а для того, чтобы создать в нем базу для развития и направления национально-революционного движения во всем Китае... Иначе говоря, создать в Гуандуне такой социальный базис, который оправдывал бы существование в Гуандуне суневского правительства и давал бы ему возможность выступить с общенациональными заданиями.

3. Реорганизовать и подчинить руководству Гоминьдана армию... Для этого Суню (вождю Гоминьдана Сунь Ятсену. – А.Ю.) необходимо создать военные школы, обращая серьезное внимание на подготовку политработников... всякое подкрепление, которое мы сумеем дать Суню через Владивосток, поможет ему усилить свой контроль над армией» (4).

Сопоставление опубликованных материалов с архивными источниками позволяет заключить, что тактика осуществления этих стратегических задач корректировалась советнической группой на протяжении всего 1924 г.

На первом этапе (осень 1923 г. – весна 1924 г.) усилия немногочисленной группы посланцев Москвы (Бородин и военные советники В.Я. Поляк и И.Г. Герман, к которым в январе 1924 г. присоединились Н.А. Терешатов и А.И. Черепанов) (5) были сосредоточены, во-первых, на подготовке съезда Гоминьдана (состоялся в январе 1924 г.), который создал систему партийных организаций и учреждений разных уровней на основе принципа «демократического централизма», во-вторых, на осторожном поиске путей создания подчиненных правительству воинских частей и «партийной» военной школы (открыта в мае–июне 1924 г., по месту дислокации получила известность как «военная школа Хуанпу», на местном диалекте – Вампу). Это период почти исключительно консультативной помощи, создания планов и проектов, для реализации которых, тем не менее, было необходимо оказывать определенное давление на китайских союзников.

Одним из главных инструментов такого давления было обещание финансового и материального содействия (еще весной 1923 г. Москва посулила Сунь Ятсену 2 млн мексиканских долларов с выплатой «по частям», а также оружие) (6).

Лишь косвенные данные позволяют предположить, что реорганизация Гоминьдана и создание военной школы могли получить финансовую поддержку Москвы уже весной 1924 г. (7), но документально это подтвердить пока невозможно.

Второй этап (июнь–октябрь 1924 г.) характеризовался количественным и качественным ростом военной части советнической группы, уточнением приоритетов ее деятельности, выбором наиболее перспективных проектов, а в конце этого периода – переходом от обещаний военно-технической и финансовой помощи к ее предоставлению.

К лету 1924 г. в Гуанчжоу небольшими группами стало прибывать подкрепление советнической группы. В июне 1924 г. ее «военный отдел» воз-

главил комбриг Павел Андреевич Павлов (Говоров). После его гибели в результате трагической случайности (18 июля он утонул в р. Дунцзян) отчеты, посылавшиеся в полпредство, подписывал начальник штаба группы П. Нилов (Ф. Сахновский). 2 августа начальником «военного отдела» был назначен В.К. Блюхер (Галин, Уральский) (8).

Чтобы проследить динамику кадрового роста группы, в основном приходится сопоставлять сведения, почерпнутые из разных мемуарных источников. Такое сопоставление позволяет заключить, что одновременно с П.А. Павловым, или по крайней мере до осени 1924 г., в Гуандун прибыли Айтыкин (Браиловский) – Д. Угер (Реми), Ф. Сахновский (П. Нилов), связист М.И. Дратвин, М. Сахновская (Чубарева), военный моряк П.И. Смирнов (Смирнов-Светловский), кавалерист С. Шалфеев (Воробьев), Н.А. Шевалдин. Осенью (большинство – в октябре) 1924 г. до Гуандуна добрались артиллеристы Т.А. Бессчастнов и Г.И. Гилев, военный инженер Е.А. Яковлев (иногда ошибочно указывается как В.А. Яковлев), И.Г. Палло (Полло, Я. Полло), М.Я. Гмира, И.Н. Зильберт, связист Кочубеев, Ф.Г. Мацейлик, В.П. Рогачев, В.А. Степанов (9).

Обобщающие данные о численности южнокитайской группы в литературе приводятся лишь в отдельных работах, чаще всего – со ссылкой на труды Р.А. Мировицкой, которая использовала данные советских архивов, как правило, без точного указания источников. По ее данным, к июню 1924 г. численность группы в Гуанчжоу выросла до 25 чел.; в сентябре 1924 г. (10) там было 27 советников и два технических работника (11). Некоторые документы из фондов РГАСПИ позволяют уточнить сведения об обязанностях советников, численности и составе группы, ее финансовом обеспечении и функциях в 1924 г.

К сожалению, не все документы сохранились полностью и содержат исчерпывающую информацию. Например, в «Докладе о военно-политическом положении и работе на юге Китая», направленном начальником штаба «военного отдела» П. Ниловым военному атташе А.И. Геккеру (видимо, в конце лета 1924 г.), в разделе о «распределении работ» между советниками указаны только семь фамилий.

Из доклада можно узнать, что «комиссар военного отдела» Реми (Д. Угер), будучи авиатором, тем не менее работал в штабе начальника полиции У Течэна в качестве «шефа инженеров ставки генералиссимуса» (12) (видимо, до прибытия специалистов по инженерному делу в октябре 1924 г.). Он же был «начальником штаба бронесил» (т.е. формировавшегося отряда бронепоездов и подразделения, отвечавшего за охрану железных дорог) и трудился в Комиссии по выработке плана Кантонского укрепрайона. Советник Мельников, возглавлявший штаб управления авиации, с 18 августа работал с Реми. П.И. Смоленцев был «руководителем крестьянской секции ЦИК» (видимо, советником крестьянского отдела ЦИК Гомиьндана), а также вел работу по составлению военно-географического описания южных

провинций, использовался в качестве переводчика и участвовал в разработке плана укрепрайона. В.Я. Поляк руководил работой советников в школе Хуанпу и входил в «тройку», возглавлявшую инспекцию военно-учебных заведений. А.И. Черепанов работал в Хуанпу и намечался тогда к переброске в школу Хунаньской армии. М.Ф. Сахновская (Чубарева) в докладе проходила как «начальник разведуправления» и руководила агентурной работой, разрабатывала план вооружения рабочих. С. Шалфеева (Воробьева) направили обучать кавалерийский эскадрон жандармерии, а также пригласили в качестве инструктора в «десантный отряд при управлении бронесил» (впоследствии именовался «бронеполком»); помимо этого, он сопровождал Мельникова в поездках на аэродром, знакомился с постановкой обучения «в школе Гоминьдана» (школе Хуанпу) (13).

Список советников и их функций, заведомо неполный (отсутствуют по меньшей мере упоминания о Терешатове и Германе), тем не менее, во-первых, добавляет к списку, составленному на основании мемуарной литературы, также фамилии Мельникова и Смоленцева (первоначально оставленного в Пекине), во-вторых, позволяет судить о диапазоне обязанностей членов группы и ее задачах по состоянию на конец лета – начало осени 1924 г. В.К. Блюхер писал, что несколько позже, к декабрю 1924 г., «аппаратом русских советников были охвачены: Главный штаб Кантонской армии, где главный советник Главной квартиры одновременно числился и главным советником при Главнокомандующем генерале Сюй Чунчжи, школа и 2 полка Вампу (созданные по инициативе начальника школы Хуанпу Чан Кайши. – А.Ю.), где в вопросах воспитания и обучения русские советники играли руководящую роль, школы командного состава Юньнаньской, Гуансийской и Хунаньской армий (соединения так называемой союзной армии, формально признавшие юрисдикцию правительства Сунь Ятсена и изгнавшие из Гуанчжоу его противников. – А.Ю.); отдельная бригада У Течэна, бронеполк, бодигард (охрана Сунь Ятсена. – А.Ю.) и авиация (последние три части имеют начальниками русских советников [?]) и флот, где авторитет русского советника стоял значительно выше командующ[его] флотом» (14).

Попытка охватить не слишком многочисленным штатом советников максимальное число соединений и военных учреждений была обусловлена, помимо необходимости сбора информации, также новой стратегической установкой «военного отдела» группы. Советники нацеливались на «проникновение» в военные структуры, дабы проложить туда путь китайским коммунистам и «левым» гоминьдановцам. К осени 1924 г. эта установка была скорректирована: главными объектами «проникновения» стали военные школы «союзных» армий, выпускники которых должны были становиться орудием центральной гоминьдановской власти (15).

Постановка задачи «проникновения» привела к увеличению численного состава группы и усложнению ее структуры. Об этом свидетельствуют документы, которые мы относим к третьему этапу деятельности советнической

группы в 1924 г., когда после отъезда Бородина в ноябре на Север (он сопровождал Сунь Ятсена на так называемую объединительную конференцию военно-политических лидеров) ее возглавил главный военный советник В.К. Блюхер. При нем задача «проникновения» соединилась с другой сформулированной им установкой: на изгнание хозяйничавших в Гуандуне «безыдейных пришельцев» (формально «союзных» Сунь Ятсену юньнаньских и гуансийских генералов) (16). Блюхер же в декабре 1924 г. сумел настоять на проведении превентивного Восточного похода (февраль–апрель 1925 г.) против угрожавшего Кантону с востока генерала Чэнь Цзюньмина. Эти инициативы были подкреплены мерами, которые начали осуществляться еще до приезда Блюхера в Гуандун: наиболее надежные военные структуры стали получать реальную помощь деньгами и оружием (оно было доставлено в школу Хуанпу на военно-почтовом судне «Воровский» 8 октября 1924 г.), а советнический аппарат существенно вырос.

Согласно «Приложению» к «Расходному расписанию для Спецотдела на ноябрь 1924 г. – январь 1925 г.» от 12 декабря 1924 г. штат группы тогда предусматривал уже 48 ставок. Начальник специального отдела (Бородин) получал 432,38 гонк. долл. в месяц, его заместитель (Блюхер) – 401,38 гонк. долл. (17). Помощник начальника управления специального отдела (т.е. начальник штаба) занимал также должность начальника разведывательно-информационного отдела (370,50 гонк. долл.). Собственно советники (инструкторы) делились на пять категорий:

- 1) трое «ответственных общевоинских инструкторов (из числа [офицеров?] бывших старых войск и начальников Красной Армии)» (оклад 401,38 гонк. долл.);
- 2) 12 общевоинских инструкторов и специалистов (под «специалистами» понимались инструкторы по артиллерии, связи, инженерному делу и т.п.) с высшим военным образованием (370,50 гонк. долл.);
- 3) пять инструкторов без высшего образования (370,50 гонк. долл.);
- 4) 15 общевоинских инструкторов и специалистов без высшего или специального военного образования – 15 (339,62 гонк. долл.);
- 5) один младший инструктор (308,75 гонк. долл.).

Расписание предусматривало одну ставку «ответственного переводчика» (277,88 гонк. долл.) и четыре – «технических переводчика» (с окладами от 216,13 гонк. долл. до 185,25 гонк. долл.). Машинистка «специальному отделу» полагалась только одна (216,13 гонк. долл.) (18).

Как видим, из 48 ставок к собственно советническим можно отнести 39.

Общие расходы на «спецотдел» в месяц должны были составить 16 443,73 гонк. долл., а за три месяца – 48 331,19 гонк. долл. Эта сумма включала также «залетные одному летчику» (так в тексте) – 80 гонк. долл. (возможно, Угер либо Мельников) (19). С канцелярскими и хозяйственными расходами, «путевым довольствием», представительскими и соцстрахом общая сумма расходов на советнический аппарат за три месяца должна была

составить 58 399,19 гонк. долл. (20). Таким образом, только выплата денежного содержания советнической группе указанного состава должна была обойтись Москве более чем в 200 тыс. гонк. долл. в год.

Из «Объяснительной записки к смете Военного отдела» от 6 ноября 1924 г. следует, что, не все ставки были по состоянию на ноябрь заполнены. Так, в группе был всего один – «технический» – переводчик. В штат были дополнительно введены пять ставок «технических переводчиков» и «сверх наличного числа» пять инструкторских ставок (21). Таким образом, по состоянию на 6 ноября 1924 г. в советническом аппарате должно было состоять 38 штатных сотрудников, из них не более 35 собственно военных специалистов.

Финансовый отчет за 13 ноября – 12 декабря 1924 г., упоминавшийся выше, раскрывает приоритетные направления деятельности группы в тот период. Он показывает, что на содержание группы шла только $\frac{1}{4}$ финансовых средств, которые она получала из Москвы через полпредство. Остальные деньги уходили на поддержку военных и политических проектов Гоминьдана, которые Москва считала приоритетными.

Общая сумма всех расходов группы за указанный период составила 80 868,27 гонк. долл. Из них на поддержку «частей» (особая рубрика отчета) было потрачено 71 800 кант. долл., или 57 440 гонк., в том числе на «Нацревармию и школы», т.е. на школу Хуанпу и создававшиеся при ней учебные полки, которые советники мыслили ядром армии китайской революции, – 47 тыс. кант. долл., плюс 3 тыс. на курсы политработников и 3 тыс. на школу Хунаньской армии, перешедшую к тому времени в состав Хуанпу (22).

До 1 января 1925 г. советническая группа рассчитывала получить 156 831,52 гонк. долл., на январь намечалась та же сумма. Расходы «на аппарат» должны были составить 21 340 гонк. долл. плюс 1000 гонк. долл. в качестве «аванса на телеграф». «На части» было затребовано 127 244 кант. долл., или 101 795 гонк. долл., в том числе на «Нацревармию и школы» 100 тыс. кант. долл. плюс 3 тыс. на политкурсы, 8 244 кант. долл. на бронеполк и бронепоезда, 10 тыс. на крестьянский отдел и его школу, и 6 тыс. на «выдачи др. частям: Киткомпартии (вполне военный в тех условиях проект. – А.Ю.), Военшколам и непредвиденные» (23).

В примечаниях к финотчету отмечалось, что «Комитет Компартии сметы не представил, но ему выдается взаимобразно (так в тексте. – А.Ю.) до 1000,00 кант. долл.» (24). Как видим, расходы группы непосредственно на нужды гуандунских коммунистов были невелики. Однако планировались траты на военные и военно-политические проекты, предусматривавшие преимущественное участие коммунистов, – на политкурсы, бронеполк и крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана (25). Примечательно, что в качестве трат на военные цели оценивались расходы вроде бы на политические структуры. В тех условиях это были военно-политические проекты: политкурсы должны были готовить политработников (комиссаров и агитаторов) как для ар-

мии, так и для развертывания крестьянского и рабочего движения, в том числе организации военизированных крестьянских союзов, которым покровительствовал крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана.

Из записки следует, что не все расходовавшиеся средства фиксировались в отчетах. Помимо трат на содержание Бородина и его аппарата, это касалось «его политических расходов, т.е. субсидии газетам, по партии Гоминьдан и другие, нам неизвестные расходы» (26). «Политические» траты Бородина раскрываются в опубликованном А.И. Картуновой дневнике управления военного отдела в Кантоне: в 1924 г. на аппарат Гоминьдана, его периодические издания, печатание и распространение пропагандистских материалов он израсходовал более 11 тыс. кант. долл. (27).

Распределение советских субсидий в целом отвечало приоритетам работы с Гоминьданом, намеченным Москвой еще в конце 1923 г., – создание действенной партийной организации и пропагандистских органов, системы подготовки индоктринированных в партийном духе военных кадров и централизованно управляемой армии (28). В то же время в практике реализации этих установок очевидно смещение акцента с политических на силовые структуры.

К концу 1924 г. советническая группа становилась органом планирования и распределения военно-технической и финансовой помощи Гоминьдану. Эта помощь в абсолютных цифрах была не слишком велика. Однако она стимулировала создание и укрепление именно тех политических и военных институтов, которые, по расчетам руководства ВКП(б), были призваны обеспечить доминирование в Гоминьдане «левых» сил, создание демократической национальной коалиции с участием Гоминьдана, скорейшее выполнение задач буржуазной революции и развитие революционного процесса в Китае под контролем КПК – а фактически Москвы. Мировой империализм должен был крепко увязнуть в этой стране, ослабив давление на СССР и коммунистическое движение на Западе.

Однако московские эмиссары проглядели тот момент, когда влиятельные гоминьдановские группировки начали использовать советскую помощь в своих целях, все более дистанцируясь от КПК и освобождаясь от внешней зависимости. Допущенные Москвой ошибки стратегического характера ускорили разрыв конкурировавших гоминьдановских фракций с китайскими коммунистами и зарубежными покровителями, произошедший весной–летом 1927 г. Тем не менее военные и военно-политические институты, созданные при советском содействии в 1924–1925 гг., открыли новую страницу в истории Китая: бóльшая их часть составила основание силовой опоры группировки Чан Кайши, в 1928 г. добившейся формального объединения страны под флагом Гоминьдана, а остальные заложили базу вооруженной организации КПК.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Из отечественных работ последнего десятилетия, затрагивающих эту тему, наиболее крупный вклад в ее изучение внесли труды В.Н. Усова и А.И. Картуновой: *Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 20-е годы XX века.* – М., 2002; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. А.И. Картунова. – М., 2003.
- (2) См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Докты. – М., 1994. – Т. 1: 1920–1925. – С. 332.
- (3) В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые док-ты... – С. 61–62.
- (4) ВКП (б), Коминтерн... – Т. 1. – С. 339–341.
- (5) О них см.: *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае. 1925–1927. – 2-е изд. – М., 1980. – С. 130–131; *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. – Н., 1994. – С. 94; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ – дела и люди. – СПб.; М., 2002. – С. 371; *Разведка и контрразведка в лицах: энциклопедический словарь российских спецслужб.* – М., 2002. – С. 396; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. – 3-е изд., доп. – М., 1979. – С. 288–296.
- (6) См.: *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 2. – С. 105, 110–112. Курс мексиканского доллара соответствовал гонконгскому доллару, который соотносился с золотым советским рублем как 1,007:1,000, а с кантонским долларом, имевшим хождение в пров. Гуандун, как 1,25:1,00 // РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 123, 130.
- (7) *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка... – С. 105, 111.
- (8) О работе Блюхера в Китае см.: *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Документированный очерк. Док-ты. – 2-е изд., доп. – М., 1979; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые док-ты...
- (9) *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае... – С. 131, 151, 180; *Черепанов А.И.* Поле рабное... – С. 142, 341–342; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции... – С. 140–141, 147. См. также: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае... – С. 361–362, 369; *Юрьев М.Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. – М., 1968. – С. 39, 60.
- (10) В книге Р.А. Мировицкой опечатка: «в сентябре 1925 г.» набрано два раза, в том числе, видимо, вместо «в сентябре 1924 г.». (*Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). – М., 1990. – С. 207.)
- (11) Там же. – С. 54, 63, 207. Остальные данные, приведенные Р.А. Мировицкой, относятся к сентябрю 1925 г., январю, февралю и апрелю 1926 г.
- (12) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 20. Под данным А.И. Картуновой, в частях У Течэна работали также советники Гмира, Дратвин, Моисеев, Никулин, Рудаков, Чалов-Шиман. (*Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае: Документированный очерк... – С. 218.)
- (13) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 21–22.
- (14) В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые док-ты... – С. 114.
- (15) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 19.
- (16) В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: новые документы... – С. 44–45.
- (17) Для сравнения: в 1925 г. полковник армии Гоминьдана получал 230–300 кант. (184–240 гонк.) долл., генерал-майор – 280–400 кант. (224–320 гонк.) долл. *Хуан Бинфэн.* Хуанпу цзюньсяо чжи цзинфэй вэньти (К вопросу о текущих расходах военной школы Хуанпу) // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо (Национальная революция и военная школа Хуанпу). – Чанчунь, 2004. – С. 56; *Сунь Цзыхэ.* Цун Хуан-

пу цзяньцзюнь дао Бэйфа цяньси гэминцзюнь чжи цзюньцзе вэньти (К вопросу о вооружении революционной армии в период от создания армии в Хуанпу до кануна Северного похода) // Там же. – С. 352.

- (18) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 64.
- (19) Там же. – Л. 60.
- (20) Там же. – Л. 128.
- (21) Там же. – Л. 48.
- (22) Там же. – Л. 125.
- (23) Там же. – Л. 130.
- (24) Там же.
- (25) Там же.
- (26) Там же. – Л. 128.
- (27) ВКП (б), Коминтерн... – С. 320–341.
- (28) О том, как формулировали задачи Гоминьдана московские руководители и их эмиссары в Китае в конце 1923 г., см.: там же. – С. 279–281, 339–340.

SOVIET ADVISORS GROUP IN SOUTH CHINA AND SOVIET UNION FINANCING OF GOMINDAN WAR PLANES IN 1924

A.G. Yurkevich

Department of Civilization Development of the East
Higher School of Economy
Maliy TriokchSviatitelskiy Per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The article dwells on the organization and activities of the Soviet advisors group, which assisted to the South China government of Sun Yatsen, its participation in financing Kuomintang political and military projects. The author pointed out that the main aim of the advisors group efforts was to form new Kuomintang power institutions and to bring its policy and army under control, for all that the tactics of implementation of strategy aim were constantly changing.

Key words: China, Soviet aid to Kuomintang (Guomindang), Soviet advisors, M.M. Borodin, V.K. Blukcher.